

Е. Р. Пономарев

**Путешествие в царство Кощея:
Англия и Америка в советской путевой литературе 1920–1930-х гг. Часть 2**

Продолжение повествования о Соединенных Штатах Америки и Англии в советской путевой литературе. Соединенные Штаты Америки вплоть до конца 1930-х гг. воспринимались в советской литературе не только как страна технических новинок и пионерской психологии, но и как оплот капиталистического зла. В этой функции описания Англии практически совпадают с литературным восприятием Америки. Статья рассматривает четыре самых знаменитых текста довоенных советских путешествий в Америку (С. Есенин, В. Маяковский, Б. Пильняк, И. Ильф и Е. Петров), добавляя к ним менее известные очерки не только о США, но и об Англии, на фоне метафорического ряда, восходящего к традициям древнерусских «хождений».

Ключевые слова: США, Англия, советский писатель, путешествие, травелог, С. Есенин, В. Маяковский, Б. Пильняк, И. Ильф, Е. Петров

Evgeny R. Ponomarev

**Travelling to Koshey's Kingdom.
England and America in the Soviet travel literature of the 1920–1930's. Part 2**

The article about USA and England in Soviet travel literature is continued. Up to the end of the 1930's the United States of America were represented in Soviet literature not only as a country of technical progress and pioneer mentality, but also as a stronghold of capitalistic evil. This function allows to compare «American» and «English» travelogues in the Soviet literary tradition. Four most famous pre-war Soviet travels to America (written by Sergey Esenin, Vladimir Mayakovsky, Boris Pilnyak, Ilya Ilf and Evgeny Petrov), added with many other sketches about America and England, are examined in the article from the viewpoint of metaphoric background, descended to old Russian culture and the tradition of ancient travels.

Keywords: USA, England, Soviet writer, travelogue, travel, Sergey Esenin, Vladimir Mayakovsky, Boris Pilnyak, Ilya Ilf, Evgeny Petrov

Окончание (начало в № 1 (10))

Назад в будущее. Новое средневековье

Не найдя на американских просторах подлинной Америки, путешественник вглядывается в улицы американского города, в американцев. С первых шагов Соединенные Штаты отдают старым российским несвежим душком. Вот Есенин сходит на нью-йоркский берег: «Вышли с пристани на стрит, и сразу на меня пахло запахом, каким-то знакомым запахом. Я стал вспоминать: „Ах да, это... это тот самый... тот самый запах, который бывает в лавочках со скобяной торговлей“» (Е 121). А вот Пильняк бродит по улицам Кингмана, города на Диком Западе, в Черных горах, рассматривая витрины магазинов: «Я долго любовался этой открыткой и внимательнейше рассматривал брелок, подкову семейного счастья. Батюшки мои! – ведь я же знал, глядя на эти брелоки, какой суп был сегодня вот в том доме за палисадом и в этом без палисада! – Батюшки мои! – ведь я все это знаю очень давно! – ведь это ж не город Кингман в Америке, а город Катриненштадт за Волгой, город немцев-колонистов Поволжья дней дореволюции и моего детства!» (П 193).

Соединенные Штаты пахнут долларом и эксплуатацией. Путешественник с удивлением отмечает, что, несмотря на газolinoвые станции, Америка сохранила в неприкосновенности жизненный уклад девятнадцатого столетия. В России он был сметен революцией, в Европе его сильно потрепало мировой войной. Именно американский быт клеймит Маяковский знаменитым афоризмом:

Я стремился
за 7000 верст вперед,
а приехал
на 7 лет назад (М 7, 69).

Пильняк объясняет этот курьез интернациональностью обывателя. Есенин, по сути, близок Пильняку⁴⁷. Понятие «обыватель» в книге Пильняка – вообще ключ к Америке: «Мещанин, обыватель, мелкий буржуа! – Это он уселся за стандартами американского благополучия <...>. Он всюду – в Калифорнии, в Юта, в Оклахома, в Ричмонде, в Бронксе и Бруклине, в Бостоне» (П 195). Обывателями оказываются в Америке

все, даже президенты и миллионеры. Образцом обывателя становится самый знаменитый в Союзе американец – Генри Форд. Сравнение Форда с призраком из детства писателя – фабрикантом Арсентием Ивановичем Морозовым – построено не на старообрядческих корнях, как хочется видному исследователю русского сектантства А. Эткинду⁴⁸, а на интернациональности обывательских типажей: город Кингман, как две капли воды, похож на поволжский Катриненштадт, Форд – на Морозова. Похоже воспринимает Форда Ильф и Петров. В портрете знаменитого капиталиста соединились американско-английский ножной тик, обязательное свойство джентльмена и бизнесмена⁴⁹ («Во время разговора Форд все время двигал ногами» (ИП 142)), и все то же сходство с обывателем русским: «И вообще он похож на востроногого русского крестьянина, самородка-изобретателя, который внезапно сбрил наголо бороду и оделся в английский костюм» (ИП 142)⁵⁰.

Но оживающие воспоминания старой России сложнее интернациональных обывательских традиций. Идентифицировав запах нью-йоркской набережной как запах скобяных лавок, Есенин добавляет: «Около пристани на рогожах сидели или лежали негры» (Е 121). Негров (а вслед за ними и индейцев) поэт воспринимает как американский «простой народ», то ли при помощи трафарета классической русской литературы (А. Эткинд остроумно распространяет на литературу путешествий упрек в неизжитом народничестве, сделанный Троцким в книге «Литература и революция» в адрес советских писателей⁵¹), то ли при помощи трафарета советской идеологии – это эксплуатируемая часть населения, «негры народ довольно примитивный» (Е 124). Индейцы в восприятии Есенина – тоже примитивный народ. И, наконец, американцы вообще (эксплуатируемых белых в Америке предостаточно), аттестованы как примитивный народ. «Народ» в этом значении перейдет и в травелог Пильняка. Возможно, это и есть «народнические очки», о которых пишет Эткинд: «Какой талантливый, эмоциональный народ – негры!» (П 184). Народ неразвит, но духовно богат и прекрасен.

Негры, индейцы и эксплуатируемые белые разнятся по крови и культуре, но едины по социальной функции. Расовые характеристики в духе советской идеологии стерты, подчеркнуты характеристики классовые. Американские угнетатели с национальной точки зрения тоже весьма неоднородны. Соединенные Штаты для советского путешественника – лучшая иллюстрация того, что «нация» – понятие полное, заполняемое трухой буржуазной пропаганды.

«Так много национальных флагов, что начинает заползать раздумье: не национальными ли флагами заменена нация? – Ведь можно построить парадокс и утверждать, что в Америке нет американцев» (П 68), – восклицает Пильняк. «Американская национальность возникает тогда, когда речь заходит о долларе» (П 71), – продолжает он через несколько страниц. Для Маяковского вся Америка – «объединение иностранцев для эксплуатации, спекуляции и торговли» (М 7, 327).

Когда Н. Осинский задается целью объяснить советским людям американский характер, он начнет с огромной преамбулы и к концу ее окончательно запутается: «Конечно, „национальный характер“ есть вещь, в высшей степени относительная и постоянно меняющаяся. Национальный характер в каждый данный момент есть не что иное, как равнодействующая всех тех экономических сил и всех иных исторических влияний, которые действовали на данный народ на предшествующей стадии его развития. <...> этот „характер“ очень различен для разных классов (рудимент классового подхода вступает в противоречие с предыдущим. – Е. П.). Так что о „характере“ тут придется говорить условно и относительно (едва ли не отрицается возможность разрешения поставленной задачи. – Е. П.). Но если уже давать такую условную характеристику, то следует констатировать, что в национальном характере (кавычки с понятия сняты: несмотря на развенчание, оно вошло в текст. Развенчание сыграло роль определения. – Е. П.) американца очень много пунктов соприкосновения с нашим, хотя, может быть, и не в том направлении, в котором наши американские романтики это себе представляют»⁵². И, наконец, окончательное определение, напрочь лишенное каких-либо национальных черт: «Американец в массе своей человек **простой и подвижный** (выделено автором. – Е. П.)»⁵³. Иными словами, деловой человек. Человек общества эксплуатации. Осинский в результате долгих объяснений приходит к тому же, что сразу декларировал Пильняк: «Американская национальность возникает тогда, когда речь заходит о долларе».

Экономическое понятие «эксплуатация» неожиданно проникает в основы национального характера. Эта подмена очень характерна для советского мышления. Но рассуждение Осинского ценно еще и тем, что оно задает самый метод осмысления национального характера. Для разговора о национальном характере необходимо учитывать все «экономические силы» и «исторические влияния» на протяжении всей истории страны. Вот почему история Соединенных Штатов занимает столь важное место практически во всех травелогах: она позволяет на-

травелоги. Маяковский рассказывает о том, что в Техасе женщину, заподозренную в незаконных связях с мужчинами, раздевают догола, вываливают в смолу и перьях и изгоняют из города под хохот толпы: «Такое средневековье рядом с первым в мире паровозом „Твенти-Сенчери“ экспресса» (М 7, 317). В другом месте Маяковский рассуждает о Ку-клукс-клане⁵⁷ и столь же безумных «мирных масонских» организациях. Съезды Ку-клукс-клана и демонстрации масонов в восточных костюмах вызывают у него одинаковое чувство анахронизма: «Дико, должно быть, видеть это средневековье, шествующее по филладельфийским улицам под окнами типографии газеты „The Filadelfia Inquirer“, выкидывающей ротационками 450 000 газет в час» (орфография оригинала. – Е. П.) (М 7, 326–327). Пильняк с тем же ощущением присутствует на молении прыгунов (Эткнд с большим вниманием относится к этому эпизоду), эмигрировавших из России и существующих в Америке под охраной «американского пуританизма»: «Средневековье неистовствовало, и его стыдно было видеть потому, что прыгали, искажая лица и тела, – люди» (П 68). Интересно, что Ильф и Петров тоже посещают сектантов – молокан, эмигрировавших из России в Калифорнию. Эткнд не обращает внимания на молокан «Одноэтажной Америки», они менее колоритны, чем прыгуны Пильняка. Тогда как в этом эпизоде первостепенную роль играет вводное сравнение, помещающее мотив в общий – «средневековый» – контекст: «Мы много слышали о русских молоканах в Сан-Франциско, оторванных от родины, но, **подобно индейцам** (выделено мною. – Е. П.), сохранивших язык, свои нравы и обычаи» (ИП 295). И индейские резервации, и изолированные от мира поселки молокан – все это прошлое, определяющее сознание современного американца, в котором причудливо переплелись передовые взгляды и средневековые понятия.

Средневековье живет и в сознании государственном. Чешский писатель-коммунист Эгон Эрвин Киш, писавший на немецком языке (очерки Киша об Америке прямо с рукописи переводились для «Нового мира») ⁵⁸, инспектирует американские тюрьмы. Он начинает с самой знаменитой из них – тюрьмы Синг-Синг (по имени истребленного индейского племени, когда-то проживавшего на этой территории). Описывая электрический стул, писатель имитирует архаический стиль: «Здесь, государи мои, вы увидите знаменитый стул, связующий дух средневековья с величайшим изобретением современности» ⁵⁹. Средневековьем отдает и практика, позволяющая потерпевшим присутствовать на казни, как на спектакле.

В английских травелогах ту же функцию выполняет подробное описание живых средневековых традиций. Потешив публику рядом курьезов, вроде жезла спикера или королевских герольдов, возвещающих Лондону смерть короля через несколько дней после того, как о ней прочли в газетах, путешественник переходит к более серьезным вещам: «Некоторые английские герцоги и маркизы до сих пор имеют право содержать свои частные армии. Армия герцога Девонширского (около тысячи солдат) участвовала даже в мировой войне» ⁶⁰. Живое средневековье хорошо приспосабливается к современности. Н. Корнев намечает пути использования аристократами своих древних привилегий: герольды герцогов и маркизов легко могут стать агитаторами, их частные армии примут участие в гражданской войне. В английском варианте средневековье оказывается моментом, организующим империалистическое государство: «Просвещенные англичане тяготеют зависимостью от мертвых вещей... от слов, от нескончаемого этикета, который поглощает всю человеческую жизнь, они тяготеют этим, но они этим и дорожат, они как бы боятся, что без этого распадется великая империя, трухой рассыплется государство, исчезнет хорошо налаженная и в то же время призрачная, вымышленная жизнь» (Э 345).

Таким образом, вся Америка (вся Англия) превращается в музей капиталистической наживы и колониальной цивилизации. В музей эксплуатации человека человеком. Как индейцы живут в своих резервациях, а негры в своих (от театральных галерок до южных штатов), так американцы сохранили на своей земле в неприкосновенности капиталистический жизненный уклад. Америка представляет собой резервацию капитализма: «И не есть ли Америка теперь – Соединенные Штаты – культура капитализма в чистом виде, подобно бульону чумы в бактериологическом институте? – этакая колба на сто двадцать миллионов свободно-капиталистических американских граждан!» (П 18). Пильняку вторит путешествующий по Англии Кушнер: «Велико мое изумление перед Ланкаширом, несомненно самой удивительной и самой достопримечательной из всех провинций старого мира, основанного на законе насилия и эксплуатации. Ее всю целиком, как она есть, нужно сохранить для будущего музея мировой революции. <...> Как альбом иллюстраций к „Капиталу“» (К 241–242).

От заката до рассвета. Тихий американец

Население Соединенных Штатов путешественник поначалу («из окна 27 этажа», как названа первая часть книги Ильфа и Петрова)

воспринимает однородной темной (эпитет объединяет утренний сумрак и цвет кожи, но в подсознании читателя срабатывают и другие значения слова) массой: «Внизу сплошной человечинной течет, сначала до зари – черно-лиловая масса... Толпа течет, заливая дыры подземок, выпирая в крытые ходы воздушных железных дорог, несясь по воздуху двумя по высоте и тремя параллельными воздушными курьерскими, почти безостановочными, и местными, через каждые пять кварталов останавливающимися поездами» (М 7, 300–301). Цепочки людей слиты с транспортными линиями, развозящими людей на работу. Это сосредоточенная, молчаливая толпа. Людей не слышно отчасти из-за высоты, на которой располагается наблюдатель, отчасти из-за грохота, который производит транспорт. Например, на Пенсильвания-стэйшен: «Американцы молчат (или, может быть, люди только кажутся такими в машинном грохоте), а над американцами гудят рупоры и радио о прибытиях и отправлениях» (М 7, 298). Так или иначе, американцы производят впечатление серьезных людей, не теряющих времен попусту, постоянно занятых делом. Целиком подчиненных машинам – от поездов подземки до управляющих ими вокзальных громкоговорителей.

То же самое наблюдает Эренбург в Лондоне. Лондонская толпа целеустремленна и сосредоточена: «Лондонские улицы, слов нет, оживленны, но оживление это механическое: столько-то миллионов передвигаются на работу или же домой, иногда в церковь, иногда в театр, иногда на матч „крикета“» (Э 339). Кушнер усиливает впечатление внутреннего единства лондонской толпы классовой статистикой: «Если устроить парад всем семи с половиной миллионам лондонского населения, то впечатление будет такое, что живут в Лондоне одни только клерки. Фабричные рабочие, буржуазия, портовые грузчики, королевская гвардия – все это теряется, растворяется в социально-серой, социально-тупой массе клерков. Как капля спирта в бочке воды» (К 157).

«Социальная тупость» объясняет социальную пассивность, социальное молчание людей. Она становится основой характеристики англичан и американцев. Толпы работающих организованно движутся в направлении, указанном им капиталом. В ирландском Ольстере («Ульстере») Кушнер наблюдает «покорное и беспрекословное» воскресное «шествование» рабочих в церковь (К 225–226). А Ильф и Петров рассматривают завтракающих перед работой девушек в обычной американской аптеке (город Амарилло). Девушки нарумянены, с выщипанными бровями и подпиленными ногтями – одеты, как

лондонские клерки, «словно на парад». Большинство таких девушек живет у родителей, заработок их идет на то, чтобы помочь родителям уплатить за домик, купленный в рассрочку, или за холодильный шкаф, тоже купленный в рассрочку. А будущее девушки сводится к тому, что она выйдет замуж. Тогда она сама купит домик в рассрочку, и муж будет десять лет не покладая рук работать» (ИП 178). Вся жизнь девушки, до самой смерти, прочерчена капиталом, как линия подземки или лента конвейера.

Конвейер, шагнув с автомобильного завода на дорогу, следующим шагом организует жизнь толпы, становится заменителем души при капитализме. С одной стороны, он создает доступный комфорт – массовое производство всех необходимых товаров. Доступность ванных комнат, холодильных шкафов, автомобилей и прочих технических диковинок отмечает все пишущие об Америке. С другой – он выжимает человека, делает его никчемным придатком машины. Осматривая заводы Форда, Ильф и Петров отмечают, что люди там угнетены душевно: «Труд расчленен так, что люди конвейера ничего не умеют, у них нет профессии. Рабочие здесь не управляют машиной, а прислуживают ей. Поэтому в них не видно собственного достоинства. <...> Фордовский рабочий получает хорошую заработную плату, но он не представляет собой технической ценности. Его в любую минуту могут выставить и взять другого» (ИП 130). Кошечей создает рабочего-заготовку, недочеловека, который так и останется заготовкой до конца своих дней.

Советский путешественник сталкивается в Америке с одной из основных философских проблем двадцатого столетия – проблемой массового человека, но в особом ракурсе. В СССР он привык видеть массу, спрессованную в коллектив, в США массовый человек предоставлен самому себе, не организован. Неконтролируемый человек массы агрессивен и непредсказуем, советский интеллигент чувствует рядом с ним напряженное беспокойство. Он пытается решить философскую проблему в экономических терминах – с точки зрения охраны труда, социального обеспечения, права на обучение. Но это не делает конвейерного человека личностью.

После многочасовой работы у конвейера человек валится с ног: он выжат, как тряпка. Это выдавливание души из человека, соотносимое с ключевым марксистским понятием «отчуждение», хорошо знакомо советским писателям по произведениям М. Горького, в том числе его американским очеркам. Здесь советскому писателю нечего возразить: точно так же обстоят дела и в стране социализма, конвейер везде одинаков. На помощь приходит все та же охра-

на труда – нормированный рабочий день и лежащий уже в идеологической сфере энтузиазм социалистической стройки.

Однако нормированный день не решает проблемы даже внутри травелога. Если фордовские рабочие стоят у конвейера столько, сколько нужно Форду, то английские клерки работают по часам. От этого их жизнь не становится счастливее. Это та же жизнь живых автоматов: «В 10 утра начинается работа везде, в 10 – ровно. Никаких отступлений, аккуратно, как ход в машине. До часу работа, – до часу ни один клэрк не имеет права закурить за работой папиросу. <...> От часу до двух – это час завтрака, „лэнч“. В этот час вся Англия завтракает. Жизнь идет везде одинаково, без отступлений, вся жизнь приноровлена к этому. <...> Все должно идти по точному расписанию, не из аккуратности... а из страха, что если не выполнить расписания, то жизнь сойдет в кучу, разлетится в обломки, вредебезги»⁶¹.

Остается идеологический аргумент. При социализме человек работает во имя счастья труда, при капитализме – ради денег, продолжения существования. Капитал выжимает все силы английской/американской нации. Люди эксплуатируются им столь же нещадно, как и недра острова/континента. Неслучайно средний американец предстает в советском травелоге тщедушным и болезненным. Маяковский создает портрет американца на футбольном стадионе: «И если рослы и здоровы футболисты... то семьдесят тысяч зрителей, это – в большинстве тщедушные и хилые люди, среди которых я кажусь Голиафом» (М 7, 309). Болезни людей происходят от болезней общества. Живущий в здоровом обществе советский поэт и здесь, как в Европе, – Гулливер (Голиаф). А лондонские клерки так же не здоровы, как и зрители американского футбола. Г. И. Серебрякова (писавшая под псевдонимом Гарт-Свит) свидетельствует: «Поблекший вид конторских клерков во многом определяется условиями их работы. Конторы... негигиеничны, как быт прошлых веков, уродливы, как вскрытый склеп»⁶². Антиподы получили точное определение. Жители Коцеева царства – призраки, упыри. Но упыри больны: «Англии принадлежит рекордная цифра беззубых людей; редкая английская девушка двадцати лет может похвалиться отсутствием вставных челюстей»⁶³. Эти двадцатилетние девушки – дочери больных клерков. Повторяя американскую логику Ильфа и Петрова, Серебрякова прочерчивает их путь: они пополняют армии продавщиц в универсальных магазинах.

Конвейер превращается в развернутую метафору капиталистической жизни. Как рабочий

Форда, выжат американской жизнью мистер Морген, владелец ресторанчика в Канзас-Сити. Беседа с инженером Томсоном, долго работавшим в СССР, а теперь руководящим монтажом машин Боулдер-дам, громадной электростанции на реке Колорадо, Ильф и Петров поражены: никто в Америке не знает фамилии их собеседника. Боулдер-дам, оказывается, строят не инженеры, а шесть известных фирм: «Капитализм отказал ему в славе – вернее, присвоил его славу, и этот гордый человек не желает о ней даже слышать. Он отдает своим хозяевам знания и получает за это жалованье. Ему кажется, что они квити» (ИП 260–261). Капитализм не просто выжимает из человека все его силы, он отбирает у него имя, делая его – независимо от квалификации – винтиком громадной машины. Между инженером Томсоном и рабочим Форда не так уж велика разница.

Ильф и Петров изучают американский характер, подсаживая в автомобиль хич-хайкеров, голосующих на дороге. У американцев много хороших черт, думают они: точность и аккуратность, умение держать слово, готовность прийти на помощь, трудолюбие. Но они напрочь лишены любопытства: охотно отвечая на вопросы о себе, они совсем не спрашивают о собеседниках. Это качества идеальных автоматов. И о себе хич-хайкеры рассказывают как-то автоматически: «Моряк не хвастался, безработный не искал сочувствия» (ИП 223). Автоматизм заморского поведения постоянно подчеркивается травелогом: «Американцы по своей природе – жующий народ. Они жуют резинку, конфетки, кончики сигар, их челюсти постоянно движутся, стучат, хлопают» (ИП 72).

Конвейер определяет жизненные стандарты заморского человека. Американец питается по стандарту – в зависимости от уровня заработка (в неделю): «пятнадцатидолларовые» едят сухой завтрак, «тридцатипятидолларовые» идут в «огромный механический трактир» (М 7, 302), «шестидесятидолларовые» едят по «бесчисленным белым, как ванная, Чайльдсам – кафе Рокфеллера» (М 7, 302), «стодолларовые и выше» имеют возможность завтракать в ресторанах. Все это – один большой конвейер. Все, кроме стодолларовых, едят пищу, приготовленную на конвейере. Так же питаются и в Англии. Гарт Свит рассказывает о «пищевом универсаме» братьев Лайонс: «Несколько миллионов человек изо дня в день едят несвежую, часто недоброкачественную, всегда разогретую пищу»⁶⁴. Характерная черта конвейерной пищи – ее одинаковость, презентабельный внешний вид и полное отсутствие вкуса. Эталон Эренбурга – французская кухня. С этой точки зрения в Англии, понятно,

готовить не умеют вообще: «Еда в Англии пресна и томительна, как воскресенье. Английскиестряпухи ухитряются обезвкусить любую снедь» (Э 341). Но и более объективный путешественник свидетельствует о том же: «Когда я спросил одного англичанина, почему в Англии так скверна и безвкусна пища, он мне ответил: „У нас не было времени заниматься кулинарией. Мы создавали Британскую империю“»⁶⁵. Характерно, что даже в сознании «носителя» плохая кухня напрямую связана с империализмом. Столь же безвкусна пища в Америке. «Идеальная чистота, доброкачественность продуктов, огромный выбор блюд, минимум времени, затрачиваемого на обед, – все это так. Но вот беда: вся эта красиво приготовленная пища довольно безвкусна, как-то обезцвечена во вкусовом отношении. Она не опасна для желудка, может быть, даже полезна, но она не доставляет человеку никакого удовольствия» (ИП 41). Она идеально соответствует номерам, которые получают обеды и завтраки в американских ресторанах: завтрак номер три, обед номер два. Единообразие и безвкусие еды Ильф и Петров объясняют качеством продуктов, а его, в свою очередь, – правилами бизнеса. Производство того или иного продукта питания в Америке монополизировано. Поэтому замороженное мясо конвейерно развозят из Чикаго по стране, зеленые помидоры везут вагонами из Калифорнии и так далее. Конвейер.

Столь же стандартизировано место обитания американца/англичанина. «Лондон не похож ни на одну столицу европейского континента. <...> Одной из наиболее неповторимых особенностей является его чудовищное однообразие. Совершенно неотличимы лондонский „юг“ от „севера“ и „юго-востока“. В каждой из этих... городских частей стоят в ряд совершенно одинаковые гладко-серые, как асфальтовая мостовая, дома. Между ними, как во рту с испорченными зубами, чернеют щели – уличные тупики»⁶⁶. Стандарт нездоровья уподоблен стандарту проживания. Н. Корнев рассказывает по поводу английских домов анекдотическую историю: «Советская девочка, родители которой поселились в одном из таких домиков, попросила мать завязать бантик на палисаднике у домика, чтобы иметь возможность отличить его от соседних домов»⁶⁷. Так же обстоит дело и с американскими домами: «Если все американские города насыпать в мешок, перетряхнуть дома, как цифры лото, то потом и сами мэры города не смогут отобрать свое бывшее имущество» (М 7, 332), – пишет Маяковский о Чикаго. То же чувство однообразия навеивает поэту Раковой-бич под Нью-Йорком: «Все стандартизированные дома одинаковы, как спичечные коробки одного названия, одной

формы» (М 7, 324). Стандарт господствует и внутри домов: «В домике шесть или семь комнат. Достаточно побывать в одном, чтобы знать, какая мебель стоит в миллионах других домиков, знать даже, как она расставлена» (ИП 98). Один в один – рассказ Эренбурга об английском интерьере: «Хемстед. Длинные улицы. Коттеджи. Все дома, как один. Можно идти часами – все то же и то же. Войдите в такой дом ночью и, не чиркая спичкой, вы определите: здесь камин, здесь вот кипа иллюстрированных журналов, здесь ситечко для чая, здесь спит мистер, а здесь его супруга» (Э 339). «Казармы» – ключевое слово в описании заокеанского жилья.

Типовые жилища образуют типовые города. «В походе своем через Америку, – обобщает Пильняк, – естественное дело, я видел множество провинциальных городов. Все они построены по стандарту. В центре – деловая часть – два или три небоскреба, автомобильные магазины, кино, банки, бензинное дудуше, шум и теснота. Это называется – бизнес-секция. Вокруг же этой секции – двухэтажные коттеджики в цветниках и под деревьями, с террасами на улицы, с качалками на тротуаре, в мешчанской, так скажем, уютности трафарета» (П 198–199). «Через город проходит главная улица, – продолжают Ильф и Петров. – Называется она обязательно либо Мейн-стрит... либо Стейт-стрит (улица штата), либо Бродвей» (ИП 97). Однообразие своих городов Америка пытается скрасить пышностью названий: «Сиракузы, Помпеи, Батавия, Варшава, Каледония, Ватерлоо, Женева, Москва, чудная маленькая Москва, где в аптеке подают завтрак номер два» (ИП 99). «Можно подумать, что эти города основала экскурсия школьников, увлекшихся древней историей»⁶⁸, – остроумно замечает Дорфман. Но путешественник быстро становится серьезным, слишком много Сиракуз, Утик и Помпей мелькает за окном вагона: «Через несколько часов езды вы чувствуете себя в фантастической стране, стране чудовищных шаржей на далекую, далекую Европу»⁶⁹. Америка – Европа наоборот; это отражение в кривом зеркале, дьявольское искажение европейской истории.

В английском сюжете однообразие усилено бесконечностью городов. Лондон у Кушнера не имеет границ, Манчестер (как в страшном сне) тоже никак не может завершиться. В той же системе значений – туманность и темнота (серый цвет) стен: «Лондон – это первая степень английской туманности и мрачности. Лондон кажется красочно-светлым рядом с Манчестером. Манчестер мрачен и черен и безнадежен, как неудавшаяся стачка. Но и он бледнеет, стушевывается и отступает перед Бадфордом. <...> Бадфорд самый черный и самый страшный город не только в

пределах Соединенного Королевства но, может быть, и на всем земном шаре» (К 260).

Лондон и Нью-Йорк, как чикагская Мичиганавеню, – только декорация, большие въездные ворота. Стоит декорацию приподнять – и за ней откроются огромные пространства «одноэтажной» земли, организованные, выстроенные по стандарту. Черные и страшные. Типовые деревни, типовые пустыни. Страна, где время и пространство искажены, прошлое представлено в настоящем, люди молчат и прислуживают машинам, пища не имеет вкуса, а построенные по трафарету города носят имена из древней истории, не может быть обычной страной. Путешественник понимает, что он заехал в страну мертвых.

Мертвецам очень подходят двухуровневые (нефте- и угледобывающие) города, где вся жизнь сосредоточена под землей, а над землей вместо гостиниц одна за другой выстроены похоронные конторы. Таков у Эренбурга город Суонси («Сванси») в южном Уэльсе⁷⁰, такова у Ильфа и Петрова Оклахома – венец капитализма. Сам Нью-Йорк, с этой точки зрения, легко превращается в адово пекло – во «всемирную керосинку» (П 52), где «уже с утра закат» (ИП 410), где «живет два миллиона автомобилей и семь миллионов человек, которые им прислуживают» (ИП 410). Город напоминает Пильняку сибирские скалы, в которых добывают радий: там нет растений, туда не заходит зверь.

В Лондоне мертвецы рассаживаются на Трафальгарской площади: «Лондонские безработные совершенно неподвижно сидят часами на скамьях у Нельсоновой колонны. Они не разговаривают даже между собой, они не читают газет. <...> Это люди, которых позабыли похоронить»⁷¹. Особо примечателен эпизод из травелога Э. Э. Киша. Посещение открытого морга Нью-Йорка «Mortuary» превращается в развернутую метафору царства мертвых: «Морг представляет собой великолепную холодильню, заставленную большими шкапами с несчетным количеством выдвигаемых ящиков. Они легко выдвигаются; и вот перед тобой вырисовывается облик одного из героев газетной хроники»⁷². Повествователь обходит морг, как выставку, выдвигает ящики, заглядывает в лица умерших нью-йоркцев. Это все равно, что разговаривать с хич-хайкерами. Подлинная Америка, наконец, обретена путешественником.

День независимости. Небоскребы колеблются

Обнаружив подлинную Америку, советский путешественник ведет себя в ней, как дома. Инженер Кузьмин, посланный учиться тракторо-, а,

по сути, танкостроению в США, находя на заводе в Милуоки несколько экземпляров чертежа, сворачивает один из них трубочкой и кладет в карман. Инженер Куксо, увидев это, приходит в ужас, грозит товарищу международным скандалом. Но Кузьмин не робкого десятка: «Я продолжал набирать материал (хозяйское определение кражи. – Е. П.) и, чтобы не пугать Куксо, переселился в соседнюю с ним комнату»⁷³. Советский инженер изымает волшебный предмет, которым буржуазия владеет не по праву.

Чем дольше путешественники знакомятся с США, тем сильнее у них желание развеять мираж, разбить Коцеево зеркало – разрушить страну грандиозности: «Под Волстрит тоннель-собвей, а если набить его динамитом и пустить на воздух к чертям свинячим всю эту улочку!» (М 7, 334), – восклицает Маяковский. Пильняк предлагает отправить «к чертям свинячим» сразу всю страну: «Не может, не может существовать страна, которая называется демократической, но которая существует бандитами и президентами за взятку, – пусть даже кризис 29 октября 1929 г. не будет последним!» (П 303). Ильф и Петров, в свою очередь, рассуждают в духе московских процессов конца тридцатых: «Почему-то каждый раз, когда начинаешь перебирать в памяти элементы, из которых складывается американская жизнь, вспоминаются именно бандиты, а если не бандиты, то ракетиры, а если не ракетиры, то банкиры, что, в общем, одно и то же. Вспоминается **весь этот человеческий мусор**, загрязнивший вольнолюбивую и работающую страну» (ИП 398). В английском варианте «мусором» оказываются английские джентльмены: «Будем надеяться, что и они... не станут привередничать: не все ли равно от чьей руки погибнуть – манчестерского безработного, желтого кули или советского красноармейца?...» (Э 362). Англия локализует апокалипсис буржуазии: «Кто знает, когда падет град?.. Одно знают все: этот град будет тяжелым и беспощадным, как библейская кара» (Э 356).

Идеал советского писателя – Америка без американцев (к счастью, путешественники тридцатых еще не имели представления о водородной бомбе). Впрочем, то, что остается от Америки, вполне соотносимо с ее эффектом. Бруклинский мост в стихотворении Маяковского одиноко висит над миром после конца (Нового?) света. В сочинениях 1930-х гг. марксистским аналогом библейского града становится экономический кризис 1929 г. В Европу прибывают пароходы американцев, севших на пароход миллионерами и в одночасье ставших нищими. С кораблей выгружают трупы застрелившихся буржуа. Это атланты, потерявшие Атлантиду.

«Нету больше вашей Америки», как в известном анекдоте 1970-х гг.

Новый свет требует «перековки». Архангельск надо вернуть на север, из небоскребов изгнать дооктябрьский Конотоп, убрать живые и мертвые трупы, населить пустыни подлинными людьми. Настоящая Америка – впереди.

Примечания

⁴⁷ Ср.: «Та громадная культура машин, которая создала славу Америке, есть только результат работы индустриальных творцов и ничуть не похожа на органическое выявление гения народа» (Е 125).

⁴⁸ «Так и не преодолевший своего опасного интереса к русским сектам, Пильняк понимает Форда по образцу знакомого старообрядца» (Эткнд А. Указ. соч. С. 161).

⁴⁹ Манипуляции ног американца (вариант: английского джентльмена) – частая тема для шуток советских писателей. В Инбер в книге «Америка в Париже» (1927) рассказывала, как вошедший в ее купе американец тут же положил ноги на ее место. Эренбург долго смакует привычку английского джентльмена вытягивать ноги: «Джентльмен сразу находит для своих ног какую-нибудь наиболее высокую точку. Если он сидит в кресле, с неподражаемой легкостью он перекидывает ногу за ручку (ручки кресел здесь предназначены именно для этого). Если перед ним стол, он находит и на столе неоскорбительное для своей ноги место» (Э 351). Форд у Ильфа и Петрова, по-видимому, страдает тем же ножным тиком.

⁵⁰ Эту цитату А. Эткнд комментирует как остаток народничества в сознании советской литературы (Эткнд А. Указ. соч. С. 164), не обращая внимания на очевидное сходство характеристик Форда у Пильняка и у Ильфа и Петрова.

⁵¹ Эткнд А. Указ. соч. С. 144.

⁵² Осинский Н. По ту сторону океана. С. 52.

⁵³ Там же. С. 52–53.

⁵⁴ Это жестокое выражение Пильняка – он пишет о «зоопарке» индейского племени Зуни (П 168) – поддерживают Ильф и Петров: «Американцы даже немножко гордятся своими индейцами. Так гордится директор зоопарка редким экземпляром старого льва» (ИП 236).

⁵⁵ Эйзенштейн С. М. Указ. соч. С. 428.

⁵⁶ Капелюш Ф. Традиции американской «демократии» // Крас. новь. 1928. № 1. С. 151.

⁵⁷ Интересно, что у Пильняка Ку-клукс-клан превращается в «белогвардейскую» и «фашистскую» организацию (П 177) при помощи смешения идеи цвета кожи с «белой» идеей.

⁵⁸ Включение в список источников американских очерков Э. Э. Киша вызвано их исключительным значением в рамках «путешествий на Запад». Эгон Эрвин Киш (Egon Erwin Kisch) олицетворяет не только социалистический литературный интернационализм (во-первых, публикация американских впечатлений Киша по-русски едва ли не опережала публикацию на немецком языке, во-вторых, травелог чешско-немецкого писателя выстроен по всем правилам советского травелога), но и верность замечаний Д. Скотта о том, что СССР и США воспринимаются как две утопии по краям европейского мира. В 1927 г. Киш выпустил книгу очерков о Советском Союзе «Zaren, Popen, Bolschewiken» («Цари, попы, большевики»), в 1930 г. – книгу об Америке «Paradies Amerika» («Американский рай») (подробнее о Кише как представителе немецкой традиции Reiseliteratur см.: Brenner P. Schwere Reisen: Wandlungen des Reiseberichts in Deutschland 1918–1945 // Reisekultur in Deutschland: von der Weimarer Republik zum «Dritten Reich» / Hrgs. Von Peter J. Brenner. Tübingen: Niemeyer, 1997. S. 134–136). Очерки Киша использованы нами как элемент проверки выводов, сделанных на основе травелогов русских писателей.

⁵⁹ Киш Э. Э. За кулисами статуи свободы: (письма из Америки) // Новый мир. 1929. № 6. С. 175.

⁶⁰ Корнев Н. Указ. соч. С. 194.

⁶¹ Никитин Н. Указ. соч. С. 78–79.

⁶² Гарт-Свит. Универмаги // Крас. новь. 1932. № 2. С. 113.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 112.

⁶⁵ Корнев Н. Указ. соч. С. 195–196.

⁶⁶ Серебрякова Г. (Гарт-Свит). Будущее в настоящем // Крас. новь. 1932. № 10. С. 146.

⁶⁷ Корнев Н. Указ. соч. С. 196.

⁶⁸ Дорфман Я. Г. Указ. соч. С. 70.

⁶⁹ Там же. С. 71.

⁷⁰ «Бродя по его улицам, трудно догадаться, что под ними идет ожесточенная жизнь, что эти тротуары и витрины только покрывало над подлинным городом» (Э 366–367).

⁷¹ Корнев Н. Указ. соч. С. 195.

⁷² Киш Э. Э. Указ. соч. С. 158.

⁷³ Кузьмин, Куксо, Панков. Трое в Мильвоки. С. 96.